

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Цифровое посмертие как социальный феномен

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы направления 47.03.01 Философия
философского факультета Алексеевой Полины Флориановны

Научный руководитель

профессор кафедры

теоретической и социальной философии,

доктор философских наук,

доктор юридических наук, профессор _____ С.В. Тихонова

Заведующий кафедрой

теоретической и социальной философии,

кандидат философских наук, доцент _____ С.А. Данилов

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, цифровая эпоха проблематизирует традиционное понимание смерти как абсолютного предела. Цифровой образ личности обретает квази-автономию, продолжая функционировать в социальном поле после биологической смерти: получает сообщения, генерирует воспоминания, влияет на репутацию. Феномен требует переосмысления оснований человеческого бытия. Во-вторых, трансформируются социальные практики памяти и скорби. Цифровые платформы становятся новыми «местами памяти». Традиционные ритуалы траура уступают место новым практикам: на просторах социальных сетей можно встретить виртуальные кладбища, где люди заняты публичным коллективным гореванием. Возникают этические дилеммы: как правильно скорбеть в цифровой среде? Кто и как долго вправе управлять памятью об умершем? В-третьих, тема мотивирована конфликтом между агентивностью субъекта и его цифровым наследием. Философский вопрос о свободе и автономии человека ставится под сомнение: теряет ли он контроль над своим цифровым «Я» в момент смерти? Право на цифровое забвение (*right to be forgotten*) вступает в противоречие с правом сообщества на память. Социально-философский дискурс требует анализа новых форм отчуждения личных сведений, посмертной власти и правовых практик распоряжения цифровым наследием. В-четвёртых, цифровое посмертие бросает вызов философской антропологии и концепту идентичности. Личность предстаёт не как замкнутая в телесных границах сущность, а как «рассеянная» идентичность, продолжающая существовать в сетях взаимодействий и внешних носителях. Цифровая среда становится активным соавтором «Я».

Степень разработанности проблемы. Историко-культурная эволюция отношения к смерти была проанализирована на основе работы Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», где выделены этапы «прирученной

смерти», «смерти своей» и «смерти перевёрнутой». Философское осмысление смерти как фундаментального экзистенциала опиралось на труды Мартина Хайдеггера («Бытие и время»), Жан-Поля Сартра («Экзистенциализм – это гуманизм»), а также на фрагменты работ Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше. Эти источники позволили реконструировать классическое понимание смерти как абсолютной границы и показать, как цифровая эпоха трансформирует эту парадигму.

Ключевым источником для экспликации понятия «цифровой след» и его сопоставления с традиционными артефактами послужила коллективная монография «WhatPeopleLeaveBehind: Marks, Traces, FootprintsandtheirRelevancetoKnowledgeSociety» под редакцией ФранческиКомунелло, ФабрициоМартире и Лоренцо Сабетты. В ней анализируется эпистемологический статус следов, их роль в социальных науках и особенности интерпретации непреднамеренных данных. Дополнительно были использованы работы по тематике OSINT (А. М. Урецкий, О. М. Голембиовская, Е. М. Туманов), демонстрирующие прикладное значение цифровых следов для разведки по открытым источникам.

Наиболее активно в работе цитируются современные исследования, посвящённые «ботам смерти» (deathbots, griefbots, generativeghosts). Ключевыми стали работы Регины Э. Фабри («Thedisruptionofgriefinthetechnologicalniche: Thecaseofdeathbots»), Норы ФрейиЛиндеманн («Theethicsof 'deathbots'»), Патрика Стоукса («Sensingpresence: deathbotsandbereavementhallucination»; «DigitalSouls»), анализирующие феномен «телической возможности» (telicpossibility) и различие социальной личности (person) и субъективного «я» (self), Мэрилин Стендеры («Markingtime: griefbots, world-time, andthephenomenologyofbereavement»), Адама Бубена («Beyondgrief: theraisond'êtreofinteractivepersonalityconstructsofthedead»), Белен Хименес Алонсо и ИгнасиоБреско де Луна («Griefbots. A

newwayofcommunicatingwiththedead?»), анализирующие переход от публичных мемориалов к приватному диалогу с цифровым двойником, Дженни Кидда и Евы НьетоМакЭвой («Syntheticafterlives: Deathbotsasaffectiveinfrastructuresofmemory»).

Для осмысления того, как цифровые следы становятся объектом эксплуатации, были использованы работы ШошанныЗубофф («TheAgeofSurveillanceCapitalism») о «надзорном капитализме», а также статьи Карла Омана и Лучано Флориди об этических рамках для индустрии цифрового посмертия.

Таким образом, степень научной разработанности проблемы цифрового посмертия и deathbots может быть оценена как достаточно высокая в зарубежной философской и междисциплинарной литературе последних лет (2022–2026). В русскоязычном дискурсе эта тема ещё только начинает разрабатываться, что делает настоящее исследование одним из первых опытов социально-философского синтеза в данной области. Используемая источниковая база позволяет комплексно охватить как классические представления о смерти, так и новейшие технологические, этические и антропологические вызовы, порождаемые цифровым посмертием.

Цель исследования: социально-философский анализ феномена «цифрового посмертия» как новейшего модуса человеческого существования в цифровой среде в результате распространения феномена «цифрового следа», преобразующего экзистенциальные и этические рефлексивные установки касаясь феноменологии смерти, а также смерти как феномена. Экспликация понятий «цифровой след» и «цифровое посмертие», концептуально-теоретический анализ оных, с целью перевести неясные интуитивные представления в категориально-понятийную форму. Поставленная цель требует последовательного решения *следующих задач:*

1. **Реконструировать этапы трансформации представлений о смерти в европейской культуре.** На основе анализа трудов Арьеса,

Хайдеггера и Сартра, проиллюстрировать, что цифровая эпоха формирует новую, отсутствующую у Арьеса фазу, в которой умерший не изолируется (как в «смерти перевернутой»), а продолжает присутствовать в социальном пространстве через цифровые следы.

2. Концептуализировать понятие «цифрового следа» и «цифрового посмертия» в системе философского знания. На основе работы австралийского философа, профессора философии Патрика Стокса «DigitalSouls: A philosophyofOnlineDeath» отрефлексировать «цифровое посмертие» как новую форму «посмертного существования», отличную от традиционного понимания, и, также, от трансгуманистического понимания бессмертия, которому посвящена также часть моей работы.

3. Эксплицировать уникальную природу цифрового следа, произведя сравнительный анализ названного с традиционными антропогенными следами древности, опираясь на коллективную монографию под редакцией Франчески Комунелло «WhatPeopleLeaveBehind: Marks, Traces, FootprintsandtheirRelevancetoKnowledgeSociety».

4. Описать трансформацию социальных практик памяти и скорби в условиях цифрового посмертия, включая феномены публичного горевания, виртуальных кладбищ и медиахакинга культурной памяти.

5. Рассмотреть конкретные кейсы, связанные с использованием цифровых следов и цифрового посмертия.

Объект исследования: цифровое посмертие как социальный феномен, который занимает определяющее место в цифровой реальности

Предмет исследования: социально-философские аспекты феномена цифрового посмертия

Научная новизна исследования проявляется в следующем:

- 1. Введено и концептуально оформлено понятие «цифровое посмертие»**
- 2. Выявлен онтологический сдвиг в понимании смерти.**

3. **Разработана трёхуровневая эволюционная классификация форм цифрового посмертия.**

4. **Выявлены и систематизированы ключевые этические дилеммы индустрии Death-tech.**

5. **Продемонстрирована всеобъемлющая природа цифровых следов.**

В ходе выполнения работы использовались различные исследовательские *методы*, такие как герменевтический метод, общетеоретические методы историко-философского исследования, структурно-функциональный анализ, компаративистский подход или сравнительный метод, междисциплинарный синтез, метод кейс-стади.

Положения, выносимые на защиту:

- цифровой след представляет собой качественно новый тип антропогенных следов, а онтологическая специфика этого феномена фундирует и выступает первопричиной «цифрового посмертия»;

- цифровое посмертие не тождественно ни традиционным формам поминовения, ни трансгуманистическим проектам бессмертия, а представляет собой самостоятельный социальный феномен – пролонгированное во времени и зафиксированное в цифровом варианте присутствие личности в виртуальном пространстве, опосредованное совокупностью цифровых следов;

- цифровое посмертие трансформирует традиционные практики скорби и мемориализации, оформляет переход от модели «забвения» к модели «продолжающихся связей», в связи с чем образует новый пласт этических проблемных полей;

- формирование феномена цифрового посмертия требует пересмотра классических представлений о личности и смерти в социальной философии;

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, а также списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Теоретические основы социально-философского анализа представлений о смерти», посвящена реконструкции эволюции отношения к смерти в европейской культуре – от античности до современности, а также философскому осмыслению смерти в экзистенциализме и анализу трансгуманистических проектов её преодоления. Глава закладывает теоретический фундамент для последующего анализа цифрового посмертия, простирая масштаб исследования феномена смерти от античности до наших дней, обрамляя тем самым общую исследовательскую базу знаний по теме феноменологии смерти и выходя на плато дискурса классической танатологии.

В первом параграфе первой главы, «Понятие о «смерти» в культурно-историческом контексте Европы», опираясь на труд Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», рассматриваются этапы изменения представлений о смерти. Первый этап – «прирученная смерть» античности: смерть воспринимается как органическая часть мирового целого, граница между живыми и мёртвыми размыта, практикуются коллективные поминовения. Христианство вносит линейное понимание времени, эсхатологическую устремлённость и концепцию личной ответственности за посмертную участь, что соответствует этапу «смерть своя» (Страшный суд, индивидуальная рефлексия). В Новое время, с секуляризацией, смерть постепенно вытесняется из публичного пространства: умирание становится приватным событием, кладбища выносятся за городскую черту, тема смерти табуируется. Арьес называет эту фазу «смерть перевёрнутая». На примере первобытных захоронений и античных ритуалов доказывается, что отношение к смерти всегда было культурно обусловлено.

Во втором параграфе первой главы, «Сущность понятия «смерть» на примере философии экзистенциализма», анализируются подходы М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Хайдеггер в «Бытии и времени» различает подлинное и неподлинное бытие: в неподлинном («dasMan») смерть

вытесняется из повседневности, о ней говорят как о чужом событии. Подлинное бытие раскрывается через «бытие-к-смерти» – осознание собственной конечности, которое вырывает человека из анонимности и позволяет обрести индивидуальность. Пограничная ситуация (ужас) обнажает Ничто и открывает просвет бытия. Сартр связывает смерть со свободой и заброшенностью: человек абсолютно свободен, но это порождает тревогу. Формулируется социально-философское определение смерти как состояния отсутствия социальных атрибутов (ролей, связей, ожиданий), необратимой потери возможности действовать.

В третьем параграфе первой главы, «Основные положения концепции трансгуманизма», рассматривается трансгуманизм как научно-философское течение, возникшее в конце XX века (Д. Брин, Всемирная ассоциация трансгуманизма). Основные постулаты: техническое возобновление человеческой эволюции, преодоление телесных ограничений (старение, болезни, смерть) с помощью ИИ, нанотехнологий, киборгизации. Ключевые понятия: экстропия (противодействие энтропии), трансформационизм (информационная природа «Я», идентичность как Р-связь). В рамках трансгуманизма смерть рассматривается как техническая проблема, подлежащая решению. Трансформационизм утверждает, что личность может быть перенесена на иной материальный носитель (аплоуд сознания). Отмечается, что трансгуманизм рассматривает смерть как техническую проблему, подлежащую решению.

В четвёртом параграфе первой главы «Проблемные области в учении трансгуманизма» критически рассматриваются этические и антропологические проблемы трансгуманизма: проблема идентичности при копировании сознания, проблема соматической определенности (неотделимость разума от биохимических процессов тела), проблема «досоциального» опыта – бессознательных структур, которые невозможно воспроизвести искусственно. Приводятся аргументы В. Винга о риске деградации «сверхчеловечества». Делается вывод, что трансгуманизм пока не

готов к ответам на метафизические вопросы о сущности человека и смысле смерти.

Во второй главе «Цифровой след и цифровое посмертие: онтология и социальные практики» эксплицируются понятия цифрового следа и цифрового посмертия, производится сравнительный анализ цифровых и традиционных антропогенных следов, выделяются этапы эволюции форм цифрового посмертия, анализируются социальные практики онлайн-скорби и этические дилеммы, порождаемые «deathbots».

В первом параграфе второй главы «Цифровой след как онтологическая предпосылка и конституирующий элемент феномена цифрового посмертия» применяется компаративистский подход для сравнения традиционных антропогенных следов (артефакты древности) и цифровых следов. Выявляются сходства (непреднамеренность, абдуктивный характер интерпретации со ссылкой на Ч.С. Пирса) и различия по нескольким линиям: статистический компонент (массовость и потенциальная бессмертность цифровых следов против скудости и энтропии древних), экономический и властный компонент (цифровой след как товар и инструмент власти в условиях «надзорного капитализма» по Ш. Зубофф), бинарно-инверсионный по отношению к смерти компонент (древний артефакт фиксирует окончательность смерти, цифровой след создаёт условия для продолжения социальной жизни). Анализируются кейсы CambridgeAnalytica, утечек данных «Яндекс.Еды», доксинга, а также применение OSINT израильскими спецслужбами (системы «Евангелие» и «Лаванда», подразделение NILI, операция с пейджерами, вербовка афганских мигрантов, кампания PRISONBREAK). Предлагается авторское определение: «Цифровой след есть непреднамеренный побочный продукт человеческой активности, оставляемый в цифровой среде и имеющий форму социо-цифрового объекта». Обосновывается, что цифровая среда выступает гибридной автономной онтологией.

Во втором параграфе второй главы «Цифровое посмертие: понятие, формы существования и социальные практики» вводится ключевое определение цифрового посмертия как продолжающегося присутствия личности в виртуальной реальности после биологической смерти, опосредованного цифровыми следами и поддерживаемого технологической структурой платформ. Анализируются социальные практики онлайн-скорби (мемориальные страницы, виртуальные кладбища, RIP-троллинг) и показан переход от модели «забвения» к модели «продолжающихся связей» (continuingbonds). Выделяются три этапа эволюции технологий цифрового посмертия: А) мемориальные технологии (статичные веб-страницы, виртуальные кладбища) – начальный пассивный этап; Б) griefbots/deathbots – чат-боты на основе больших языковых моделей (LLM), имитирующие стиль общения и голос умершего, предлагающие двусторонний диалог; В) generativeghosts («генеративные призраки») – системы, способные генерировать новый контент, проявлять поведенческую активность и эволюционировать с течением времени. Формулируются ключевые этические проблемы Death-tech: автономия скорбящего и риск пролонгированного расстройства горя (PGD), проблема согласия умершего, истинность и замещение, конфиденциальность и право на забвение, коммодификация скорби. Предлагаются меры регулирования: принцип взаимного согласия (mutualconsent), процедуры деликатного прекращения работы ботов, международный мораторий, правовая охрана цифрового наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования проанализированы источники по истории танатологии, экзистенциализму, трансгуманизму, теории цифровых следов и deathbots. С новых ракурсов рассмотрена трансформация представлений о смерти в цифровую эпоху, подтверждены выдвинутые положения.

Результатом исследования явилось наиболее полное представление об эволюции отношения к смерти (от «прирученной смерти» античности через «смерть свою» христианства к «смерти перевёрнутой» модерна) и выявлена новая цифровая фаза, в которой умерший продолжает социальное присутствие. Проведён компаративистский анализ традиционных и цифровых следов, выявлены их различия (массовость, потенциальная бессмертность, отчуждённость). Предложено авторское определение цифрового следа.

Концептуализировано понятие цифрового посмертия как продолжающегося присутствия личности в виртуальной реальности после смерти. Выделены три этапа эволюции: мемориальные технологии, griefbots/deathbots, generativeghosts. Проанализирован переход от модели «забвения» к модели «продолжающихся связей». Выявлены ключевые этические проблемы: автономия скорбящего, согласие умершего, замещение личности, конфиденциальность, коммодификация скорби.

Цифровое посмертие возникает как способ сохранения связи с умершим в условиях секуляризации. Цифровые следы, в отличие от древних артефактов, создают условия для продолжения социальной активности после смерти, но несут риски зависимости и эксплуатации. Кроме того, они служат инструментом политического и коммерческого влияния, что обнажает амбивалентность цифровой реальности.

Тема перспективна для дальнейшего исследования: эмпирическое изучение deathbots, кросс-культурный и теологический анализ, политико-экономическая критика индустрии цифрового посмертия, а также разработка правовых механизмов регулирования.